

Структура отчуждения и властно-политическая технология

Макаренко В.П.,
д. филос. и полит. н., профессор,
главный научный сотрудник, заслуженный деятель науки РФ,
Институт философии и социально-политических наук
Южного федерального университета
vpmakar1985@gmail.com

Аннотация: Существует распространенное мнение: власть базируется или должна базироваться на доверии к ней граждан. Если социальный строй стремится к устойчивости, то его основанием является консенсус — разновидность общественного договора. Фундаментом политического устройства общества должно быть согласие граждан на то, чтобы ими правили, а решение вопросов публичной жизни находилось в руках властвующих. Это согласие рационально действующие индивиды выражают только тогда, когда они доверяют власти и людям, ее осуществляющим. Общий интерес власти и граждан состоит в том, чтобы последние доверяли правительству и аппарату управления государством. Сильной может быть только легитимная власть¹.

Исследовательская практика А.П. Огурцова позволяет оспорить эту интеллектуально-политическую традицию в целом, а в отношении России — в особенности. Множество отправных пунктов для доказательства сформулировала С.С. Неретина при реконструкции когнитивных намерений А.П. Огурцова и процесса их реализации. Из этого множества отметим несколько идей: противопоставление философов и функционеров, создающих философские ритуалы; кандидатская диссертация Александра Павловича на тему отчуждения завершила его путь «под знаменем марксизма» и открыла шлюзы новым подходам; Огурцов показал, что для Гегеля и Маркса феномен отчуждения был важной проблемой; фигура Маркса исчезла с философского горизонта по вине его вульгаризаторов, которые инициировали «грандиозный провал» политической, религиозной и военной истории СССР; в эпоху господства марксистско-ленинской идеологии чтение любого текста (за исключением трудов классиков марксизма-ленинизма) происходило под давлением этой идеологии; Огурцов выработал свой оригинальный способ переключения стиля идеологической ортодоксии на свободное философское рассуждение².

Я думаю, каждый студент философского факультета, избравший в советское время своей профессией философию, стоял перед необходимостью выработки такого способа переключения. Уже существует свежее документальное подтверждение этой необходимости

---

¹ Сегодня такой шаблон мысли тиражируется в большинстве российских СМИ. Он образует также неявную посылку большинства публичных выступлений официальных лиц и продукции провластных политологов. Его основанием является философия права Гегеля и теория типов господства М. Вебера. Вслед за Гегелем М. Вебер пытался связать принцип свободы с существованием сильного национального государства, которое (по мнению Вебера) образует связующее звено между классическим либерализмом XVIII-XIX вв. и его современными национально-государственными модификациями.

² См.: Неретина С.С. Десять лет спустя. Отчуждение, рефлексия и практика // Огурцов Александр. Отчуждение, рефлексия, практика. М.: Голос, 2024, с. 8–41.

в виде истории четырех советских и трех постсоветских философских поколений, которая может быть прочитана под таким углом зрения³. Эта возможность подтверждена воспроизводством тысячелетнего социального раскола России в современные условия ее существования⁴. Задача статьи состоит в воспроизведении двух фрагментов моего личного опыта переключения.

Ключевые слова: шаблоны социально-политической мысли, исследовательская практика А.П. Огурцова, личный опыт полемики с идеологической ортодоксией, власть, теория «естественных прав», теория «общественного договора», консенсус, конфликт интересов.

Консенсус или конфликт интересов?

Согласно Веберу, существует три типа господства и источника доверия граждан к власти — легальное, традиционное и харизматическое. Доверие к власти тяготеет к одному из них или строится на комбинации этих «трех китов». Фундаментом любой устойчивой системы власти является доверие к ней. Оно базируется либо на чувстве легитимности правового порядка, либо на вере в правомочность традиции, либо на чувственной экзальтации, пробуждаемой и культивируемой лицами, осуществляющими духовную и светскую власть. Если указанные основания начинают колебаться, система власти рушится.

В постсоветской России веберовская концепция приобрела статус неписаных «правил хорошего тона» при обсуждении вопросов, связанных с природой власти, государства и политики в целом. Предполагается, что концепция Вебера может объяснить природу политических процессов, включая их современные российские модификации. Моя позиция базируется на двух положениях: веберовская концепция легитимной власти является одной из множества попыток развития классической либеральной теории «естественных прав» и «общественного договора» и применения ее для описания отношений между властью и гражданами в условиях формирования сильного национального государства; но как теория власти она ложная.

Я считаю, что теория власти должна объяснять природу, сущность и развитие отношений между властью и гражданами. В реальной действительности эти отношения существуют в переплетении с отношениями экономического и духовного господства (здесь Вебер прав). Однако если применить критерии верификации и фальсификации, то классическим примером подтверждения истинности теории Вебера является система советской власти. Ведь в ней ни буржуазия (экономическая власть), ни религия (духовная власть) не были элементом политического господства, а были ему подчинены. Если бы теория Вебера была истинной, она могла бы объяснить главные события истории СССР.

Напомню некоторые из них. В 1920–1921 гг. по Советской России прокатилась волна крестьянских восстаний и произошел мятеж матросов, солдат и рабочих Кронштадта. В соответствии с веберовской теорией это событие надо объяснять так: в 1917–1919 гг. в большей части российского общества (его составляли крестьяне) возникло и укрепились

---

³ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю. Синеокая. М.: Издательский дом ЯСК, 2022.

⁴ См.: Давыдов А.П. Россия весной 2022 г.: раскол в обществе как основание социокультурного кризиса // Электронный философский журнал Вох. Выпуск 45 (июнь 2024 г.).

чувство доверия к новой власти, а в 1920–1921 гг. оно исчезло. О каком же чувстве идет речь?

Разумеется, не о чувстве легального порядка. В эти годы шли революция и гражданская война, когда отпали любые ссылки на закон. Новая власть руководствовалась правосознанием, которое оправдывало властный произвол нового политического начальства и его военно-полицейских приспешников. Даже лояльно настроенные к новой власти граждане оказывались в такой ситуации: «Быть лояльным — значит питаться тем, что выдают по карточкам, ибо у мешочников покупать по декрету запрещено, привозить тоже дозволяется только избранным, купить негде и строго возбраняется. Лояльные граждане умирают от питания по карточке. И сколько этих лояльных граждан ждет очереди быть похороненными. На кладбищах за хлебный паек в 2–3 ф. хлеба в день вызываются роты красноармейцев, хоронящих лояльных граждан, трупы которых без гробов закапываются на небольшой глубине после того, как пролежали несколько недель, дожидаясь последнего благодеяния властей — быть похороненными на началах коммунизма»⁵. Стало быть, чувство доверия к власти, и без того слабо выраженное в политической культуре России, не возникало, а разрушалось постоянно. А период в два года — слишком краткое время для его формирования.

О чувстве традиции вообще говорить не приходится. Новая власть провозгласила и вплоть до середины 1930-х гг. проводила политику искоренения всех традиций. Для объяснения остается личная харизма В. Ленина, Л. Троцкого и других большевистских вождей. Ее существование нельзя отрицать в определенных кругах жителей Петрограда и Москвы, членов нового аппарата власти и революционной молодежи, имеющих возможность непосредственно наблюдать или общаться с вождями (без прямого контакта между властвующими и подвластными никакая личная харизма невозможна) или же абсолютно доверяющих любому писаному слову (т. е. не проводящих различия между декларациями и действиями власти хотя бы на основании здравого рассудка). Однако нельзя полагать, что действие личной харизмы достигало большинства неграмотного населения Тамбовской губернии, в которой на протяжении года шла крестьянская война с регулярными частями Красной армии. Следовательно, конкретно-исторические события 1920–1921 гг. нельзя объяснить тем, что вначале массы поверили большевистской власти, а затем потеряли доверие к ней. Такая схема ничуть не отличалась бы от официальной версии истории КПСС и Советского государства, хотя в этой версии используется иная теория власти.

Возьмем другой пример. На чем базировался сталинский режим — на чувстве легального порядка, рухнувшего лишь в начале 1950-х гг., когда его потеряли миллионы заключенных советских концлагерей (такова версия А. Солженицына), на чувстве традиции, сформировавшейся за три десятилетия его существования, или на личной харизме Сталина, которая к тому же была скорее институциональной, а не персональной? Дискуссия по этим вопросам длится в мировой и отечественной историографии не один десяток лет. Но если стоять на почве фактов, а не концепций, то на протяжении тридцати лет советские люди были наиболее послушными власти по сравнению с предшествующими и последующими периодами истории России. (За исключением первой стадии советско-германской войны, когда целые соединения сдавались в плен или переходили на сторону гитлеровцев, а жители

---

⁵ Бруцкус Э. Дневник матери-хозяйки // Знамя. 1995, № 11, с. 188.

подмосковных деревень в самый критический момент наступления на столицу «...совершенно равнодушно относились к возможному приходу немцев, говоря: "Хучь бы пес, лишь бы яйца нес"»⁶.

Уже сразу видно, что эти явления не имеют ничего общего с параметрами веберовской теории власти. Речь может идти лишь об элементарных факторах власти — физическом насилии, массовом терроре, внутреннем шпионаже и тотальном контроле организаций ВЧК — ОПТУ — НКВД — КГБ и РКП(б) — ВКП(б) — КПСС над жизнью граждан. Но о них теория Вебера даже не упоминает. Едва давление данных факторов ослабло, многие советские люди приветствовали гитлеровцев как своих «освободителей». Когда же тевтонские «культуртрегеры» ответили на это еще большим террором, советские люди стали на сторону своего тирана. Таким образом, не чувство доверия к власти, а насилие и террор — определяющий принцип объяснения поведения советского народа на протяжении целых десятилетий.

Если же посмотреть на приведенные факты с точки зрения социологии знания (одним из творцов которой был М. Вебер), то теория легитимной власти выражает взгляд человека Западной Европы на природу политической власти. Сформировавшийся в условиях политических систем данного региона человек полагал, что источник власти вытекает из его сознательного решения ограничить собственную свободу и передать ее часть властвующим⁷. Как уже говорилось, такое представление первоначально сформировалось в идеологии «естественных прав» и закреплено в теории «общественного договора». Затем Гегель связал то и другое с этатизмом как особым типом философии истории, права и политики, а М. Вебер преобразовал в теорию легитимной власти. Сегодня она некритически используется для объяснения политической истории и политических процессов в царской, советской и современной России.

Однако данная теория локальна, не соответствует опыту других цивилизаций и опыту европейской цивилизации в период до Нового времени. Рабы Древней Греции и Рима, подданные государства инков, жители царской, советской и постсоветской России не обладали и не обладают ни чувством, ни мыслью о том, что власть вообще и государственная власть в особенности вытекают из акта самоограничения личной свободы на основе собственного сознательного решения. Для индивидов внеевропейских цивилизаций власть была и во многом остается до сих пор феноменом, данным и существующим самим по себе. Она опирается на силу и всегда готова ее продемонстрировать в таких размерах и количествах, в которых индивидам может прийти в голову «умысел» о несогласии с властью и восстании против нее. А в российском менталитете власть осознается как неопределенная, вездесущая и дьявольская сила, которая в любой момент и по отношению к любому человеку может быть использована для предупреждения подобного умысла⁸. Такой политический опыт и история предполагают совершенно иную теорию власти, в которой сила и террор государства полагаются

---

⁶ Баранович-Поливанова А. Картинки из жизни военных лет // Знамя. 1995. № 10, с. 158.

⁷ Термин «человек» используется здесь для обозначения не единичного индивида, а социокультурного типа, для описания которого в Западной Европе были сконструированы концепции «человека политического», «человека религиозного», «человека экономического», «человека играющего» и т. п.

⁸ Российская ментальность: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 1994. № 1.

главным фактором власти, а все остальные (включая собственность) подчинены ему и отходят на второй и последующие планы.

Исходным пунктом данной теории может быть акцент на понимании власти как конфликтного отношения между большими социальными общностями — классами, нациями, этносами, группами властвующих и гражданами и т. д. Теория Вебера верно описывает некоторые мотивы подчинения одного индивида воле другого. Однако мотивы индивидуального подчинения и причины подчинения одной социальной общности воле другой социальной общности — вещи совершенно разные. Прямого перехода здесь нет. И ответ на вопрос «почему люди поддерживают данную власть?» невозможно получить, спрашивая каждого индивида о мотивах такой поддержки. Я полагаю, что пренебрежение указанным различием — кардинальный недостаток многочисленных социологических опросов на этот счет, расплывшихся в постсоветской России, как грибы после дождя.

В естественных языках слово «власть» используется в разных смыслах: для обозначения отношения родителей к детям, хозяина — к слугам, работодателя — к работникам, учителя — к ученикам, сержанта или генерала — к солдатам, чиновника — к гражданам, священника — к прихожанам и т. п. Естественный язык не позволяет постичь природу власти, поскольку он является одним из ее инструментов, а указанные отношения значительно различаются между собой. Вебер не делал различия между естественным языком и языком теории, отождествляя власть с вероятностью выполнения определенного приказа вопреки сопротивлению. Поэтому ученый, следующий за Вебером в методологии познания социальных явлений, включая власть, попадает в ситуацию ботаника, пытающегося эмпирическим путем выяснить, что общего между картофелем и помидорами, которые определяются как «овощи» в естественном языке.

Процесс формирования государственной власти связан с развитием **политического отчуждения** как универсального феномена социально-исторической жизни. В его состав входят: формы мышления, в основе которых лежит объяснение властных отношений экономическими (экономикоцентризм), политическими (этакратизм) или идеологическими (идеократия) факторами; толкование индивидуальной, групповой, народной и общественной воли как основания власти; формы иллюзорной общности людей — семья, этнос, нация, гражданское общество, государство; преобладание примордиальных, этнических, групповых, национальных солидарностей над другими⁹; разделение государственной власти на исполнительную, законодательную и судебную; формы политической (бюрократической, конституционной, юридической) софистики, типичные для каждой из властей; государственные налоги, займы и долги; толкование государственного управления обществом как «необходимого» и «естественного» процесса социальной жизни; социологические и политические свойства лиц, осуществляющих государственную власть и управление; типы вооруженных сил, тайной полиции и государственного аппарата; мононациональный или полинациональный характер государства; способы государственного освоения географического пространства и др.

По отношению к истории России перечисленные общие свойства политического отчуждения могут быть конкретизированы с учетом существующих историографических теорий генезиса Киевской Руси и Московского государства (норманнская теория, теория

---

⁹ Капустин Б. «Национальный интерес» как консервативная утопия // Свободная мысль. 1996, № 3.

«родового» или «дружинного» начала, «панмонголизм», «византизм», «евразийство», концепция территориального «мистицизма», теория образования государства как ответа на «внешнюю угрозу» и т. д.). Причем в каждой из данных теорий надо выявить мифические, иллюзорные элементы, поскольку ремесло профессионального историографа в большинстве случаев было и остается связано либо с государственной властью, либо с нацией или другими социальными группами.

Предварительно можно сказать, что история любой страны есть конкретизация общих свойств политического отчуждения. В результате пересечения общих и частных характеристик политического отчуждения властная регуляция социальных отношений становится «объективным» процессом по типу природных и космических. С этой точки зрения крайне показательно, что в монотеистических религиях власть обычно связывается с идеей Бога как главного регулятора всех процессов.

Однако нельзя полагать, что указанные процессы кем-то намеренно планируются или что участвующие в них люди руководствуются исключительно одними мотивами или ценностями (традиционными, экономическими, властными, идейными). С этой точки зрения власть как социальное явление можно определить как общее и непреднамеренное следствие множества частичных действий частичных властителей, вытекающее из соперничества, борьбы и сотрудничества в рамках группы людей, располагающих всем набором средств насилия и манипуляции для достижения собственных целей. Отношение между количеством действий, осуществляемых властителями и образующих сферу властной регуляции, к общему числу действий, осуществляемых остальными индивидами, можно определить как **меру гражданского отчуждения** или отчуждения граждан от власти. Данная мера существует при всех типах государственного строя и политического режима, как бы власть себя ни называла и какие бы «государственные или национальные интересы», соображения и идеологии ни использовала для своего оправдания.

От меры гражданского отчуждения зависит способность и готовность большинства человеческих масс к сопротивлению власти. При низком уровне гражданского отчуждения такое сопротивление незначительно. Однако оно незначительно и тогда, когда мера гражданского отчуждения высока, потому что в обоих случаях монополия на применение средств насилия и манипуляции остается у государственной власти¹⁰. Поскольку ни одно из когда-либо существовавших и существующих ныне на земном шаре государств независимо от специфики его политического устройства не смогло отказаться от использования данных средств насилия и манипуляции, постольку нет оснований считать демократию (как прямую, так и представительную) идеалом и нормой государственного устройства. Отказ от прямых методов физического насилия при демократии сопровождается лишь расширением и культивированием опосредованных методов принуждения и манипуляции людьми.

Если власть с помощью указанных средств контролирует все публичные действия, отношения и высказывания, наступает атомизация индивидов. Взаимное недоверие, страх

---

¹⁰ В их состав входят: грабеж, реквизиция, уничтожение имущества, лишение воли, заключение в тюрьму, переселение, интернирование, нанесение телесных повреждений, отравление и другие методы медицинского и психического воздействия, пытки, террор, клевета, обман, высмеивание, правовые, экономические и социальные ограничения индивидов и групп индивидов (классов, наций, этносов, политических движений и партий), отказ от сотрудничества, материальные вознаграждения, символические отличия, привилегии, коррупция (прямая и косвенная), провокация, скрытая помощь, манипуляция (Grzegorzczuk A. *Zycie jako wyzwanie*. Warszawa. 1995: S. 170–173).

перед нарушением всевозможных запретов и репрессиями делают невозможным осуществление коллективных действий вне официально санкционированных форм. Граждан как социальной группы не существует (кроме записи в паспорте), они деклассированы, десоциализированы, маргинализированы. Гражданское отчуждение — противоположный полюс политического отчуждения и существует при всех формах политического устройства общества, включая демократию. Наиболее высокий уровень борьбы граждан против власти имеет место тогда, когда гражданское отчуждение находится на среднем уровне, т. е. когда властным контролем охвачена настолько широкая сфера общественной жизни, что граждане уже лишены права решать вопросы собственного социального и политического существования; однако этот контроль еще не простирается до мельчайших ячеек общества и не парализует способность к гражданскому сопротивлению.

Понятие **гражданского сопротивления** необходимо для конкретизации концепции политического и гражданского отчуждения. Не было, нет и, видимо, не будет таких государств и систем власти, которые бы не пользовались хотя бы одним из перечисленных средств насилия, принуждения и манипуляции. Понятие гражданского сопротивления позволяет эмпирически измерять количество (абсолютное и относительное) граждан, не согласных с данной политической системой или системой осуществления государственной власти, культивирующих мирные или вооруженные способы борьбы с нею (оппозиция, восстание, революция) и использующих против нее все ранее перечисленные методы. Основание властного, государственного, и противовластного, противогосударственного, применения таких средств и методов было и останется дискуссионным. Совершенно определенно можно утверждать лишь то, что развитие цивилизации связано с тенденцией замены средств прямого и непосредственного насилия методами скрытого и опосредованного. Чем больше власть их применяет и чем больше они входят в состав политической технологии государств, тем важнее учитывать уровень сопротивляемости общества и граждан.

Например, СССР создавал свои вооруженные силы для служения социалистической идее, но в результате стал одним из основных поставщиков оружия на внутренний, а затем и мировой рынок. За время существования СССР его армия, основанная на принципах единоначалия и партийного контроля, превратилась в рассадник анархии, коррупции и таких приемов управления, которые больше похожи на лагерные, чем на военные: «В настоящее время армия сокращается, общество вооружается, и вооруженный народ вступает в боевые действия с той же армией в разных регионах страны... Вооруженные силы, теряя боеспособность, сохраняют способность и желание к самосохранению и самовоспроизведению. Структура, лишенная своего функционального предназначения, начинает бродить и гнить, а конфликты, которые вооруженные силы таят в себе, несут не меньше опасности, чем те группы экстремистов, против которых они начинают использоваться» [Алтаев, 1990, с. 61–63]. Эта тенденция свидетельствует о том, что на определенном этапе развития вооруженных сил применение армией оружия против общества и применение обществом оружия против армии могут быть в одинаковой степени легитимными, чего не учитывают М. Вебер и другие теоретики государственной власти, приписывая лишь последней право на легитимное применение силы.

Любое государство в его пространственно-временных, исторических и социокультурных параметрах есть пересечение матриц политического и гражданского

отчуждения с мерой гражданского сопротивления. Указанное обстоятельство не учитывается в большинстве современных теорий власти. Развитие либерализма в XVII–XIX вв. свелось к легализации техно-рациональной стороны политики. Однако социализм и консерватизм тоже не смогли от нее отказаться или предложить какую-нибудь значимую альтернативу. Развитие неолиберализма в XX в. привело к «теоретическому обоснованию» социальной инженерии, наиболее подробно разработанной в трудах К. Поппера¹¹. Во всех случаях моральное обоснование комплекса социально-политических решений вытесняется на периферию социальных процессов и политического мышления. Это позволяет критически отнестись к либеральным теориям «общественного договора», естественных «прав человека» и вытекающим из них концепциям гражданского и политического консенсуса, поскольку они пренебрегают конфликтным содержанием политических систем и государственной власти во всем комплексе ее отношений с обществом.

Властно-политическая технология

В общем виде властно-политическую технологию можно определить как способность властвующих и подвластных применять все методы насилия, принуждения и манипуляции для достижения индивидуальных, групповых и социальных целей, правомерность и обоснованность которых всегда дискуссионна. Невозможно утверждать, что традиционный, либеральный, консервативный или социалистический проекты развития человечества в чем-либо предпочтительнее по отношению друг к другу. Каждый из них лишь выдвигает свою гипотезу о соотношении целей и средств по практической реализации данных проектов, подчиняя ей политический процесс в целом. Каждый из них предлагает свою иерархию фактов и ценностей (нормативно-ценностный порядок), подчиняя им способ социального и политического исследования и считая универсальными все перечисленные средства насилия, принуждения и манипуляции. Из-за этого проблема соотношения средств и целей при реализации любого проекта была и останется вечно дискуссионной.

Нельзя утверждать, что какой-либо из данных проектов имел когда-либо на своей стороне абсолютное большинство человечества. Традиционализм как способ жизни и социально-политического мышления существует до сих пор и в состоянии высказывать существенные возражения относительно любого из предлагаемых проектов¹². Действительно, ни один из них не смог освободиться от мифической составляющей, поскольку абсолютное большинство людей склонно больше доверять мифам, нежели жестокой истине и беспощадной правде. Однако традиционализм ничуть не меньше других культивирует и применяет мифы в целях оправдания власти. Не менее того большинство склонно измерять истину критерием практического (технологического, политического, идеологического и прочего) успеха. Однако степень распространенности религиозных и светских идеологий в массах несколько не свидетельствует в пользу их истинности. В таких условиях социальная инженерия все больше претендует на общезначимость. В XX в. эта тенденция сделалась универсальной. Значит, надо внести коррективы и в решение вопроса о соотношении силы и доверия к власти.

---

¹¹ См.: Поппер К. Открытое общество и его враги. М.: 1992. Т. 1, с. 53–57.

¹² Генов Р. Кризис современного мира. М.: 1991.

В общем виде власть тем сильнее, чем большее число ее приказов и решений выполняется. Показателем силы власти можно считать отношение числа властных приказов (указов, постановлений, решений, рекомендаций), действительно выполняемых гражданами, к общему числу приказов, исходящих от властно-политических иерархий в целом. Кроме того, силу власти не следует смешивать с ее техно-рациональной стороной, описываемой понятиями «успех», «эффективность» и т. п. Успешность власти — это критерий, позволяющий судить, насколько выполняемые гражданами властные приказания приводят к реальным состояниям, которые соответствуют замыслам властвующих. Но чем более крупным и широким по охвату является такой замысел, тем меньше шансы его реализации. Тем меньше вероятность того, что замысел станет реальным состоянием. Идея коммунизма — наиболее яркий тому пример.

Между любимыми проектами, замыслами, приказами и реальными состояниями всегда существует пространственно-временной зазор (дистанция). Наличие такого зазора (от него не может освободиться никакая власть, так что поговорка «Крепок задним умом» тоже остается вечно актуальной в отношении к власти) позволяет заключить: чем больше власть опирается на средства насилия, принуждения и манипуляции, тем менее она успешна и эффективна. Сильная власть (в обыденном и политическом смысле слова) вообще не может быть ни успешной, ни эффективной.

В СССР после гражданской войны почти никто не отваживался прямо и открыто отказаться от выполнения бесконечных постановлений и решений («генеральной линии») многочисленных уровней партийно-государственной иерархии. Даже «...интеллигенты, не признавшие советскую власть, но получавшие от нее свою зарплату, всякими способами пытались успокоить свою совесть. Профессора, например, внушали себе и другим, что они, мол, служат не большевикам, а науке. А наука-де, она, конечно, не большевистская. Таким образом, можно было найти некоторый компромисс между непризнанием советской власти и жизнью на советские деньги. На этом компромиссном пути можно было занимать позиции, очень различные в обе стороны, т. е. непризнание могло быть большим или меньшим. В крайних проявлениях оно принимало черты прямо-таки героические. Например, в Ленинграде бывший академик Ф.Д. Плеске отказался от пользования чем бы то ни было государственным. Он не получал карточек, не покупал ничего в «их» магазинах, не ездил в «их» трамваях. Сокрушался только тем, что не мог отказаться от покупки в «их» аптеках свечей от геморроя, которым он страдал»¹³. Стремление за счет «геморройного героизма» успокоить свою собственную совесть свидетельствует лишь о том, что возможность постоянного смешивания целей и средств их достижения существует не только в политике, но и в любом индивидуальном и групповом поведении. Так происходит интернационализация властно-политической технологии, для обоснования которой могут привлекаться не только деньги и геморройные свечи, но и наука как некая высшая ценность.

Если даже наука используется для обоснования политических решений и индивидуального поведения (здесь как раз располагается «стык» между традиционными, либеральными и социалистическими проектами социального развития), отсюда не следует, что система советской (как и всякой иной) власти в конкретных направлениях государственной политики достигала желаемых состояний. Их «количество» на всех этапах

---

¹³ Кузин Б.С. Воспоминания // Дружба народов. 1995. № 11, с. 112.

развития человечества в принципе остается одним и тем же, поскольку человек отличается от животных сознанием и целеполаганием. Едва это «количество» входит в состав политического воображения, оно становится мерой утопичности политики, от которой не может целиком освободиться никакая власть¹⁴. Чтобы определить эту меру, недостаточно знать, что главные замыслы вершины политической иерархии СССР — построение социализма и коммунизма — не сбылись. Надо поднять все архивы всех партийно-государственных структур за все время существования советской власти для того, чтобы установить, насколько реальность 1991 г. (условная дата «крушения» советской власти) во всех регионах и отраслях хозяйства СССР соответствовала или не соответствовала замыслам всех лиц, выполнявших властные функции в данной иерархии с 1917 г. (условная дата «установления» советской власти).

Даты названы условными потому, что историческое и политическое время и пространство не совпадают с календарем и территорией государства. Еще менее совпадает с ними политическое воображение. Оно питает неистребимую иллюзию трактовать власть как главное средство своего практического воплощения на земле и в космосе. Эта иллюзия тоже не зависит от времени и пространства, и еще менее — от различных типов политической философии: традиционной, либеральной, социалистической, консервативной. Тот факт, что главная цель советской власти не достигнута, свидетельствует о том, что на всех ее уровнях и направлениях существовал специфически русский набор «мертвых душ» — свои чичиковы, маниловы, плюшкины, коробочки, ноздревы и собакевичи в виде местных и ведомственных лениных, троцких, сталиных, хрущевых, брежневых, андроповых и горбачевых. Каждый из них руководствовался иллюзией о творческой силе власти, культивировал ее и передал нынешним властно-управленческим элитам России. Но попытка реализовать эту иллюзию с помощью всех средств насилия, принуждения и манипуляции привела к краху главной цели. Следовательно, чем сильнее власть в указанном смысле слова, тем менее она эффективна. Эти современные «мертвые души» еще ждут своего Гоголя — в надежде на создание советского «шедевра»...

Сила и успех власти — понятия разные. Для их разведения и субординации могут использоваться критерии праксеологии. Они позволяют установить и эмпирически исследовать «зазор» между всеми политическими философиями, политическими доктринами, политическими решениями и реальной действительностью. Освободиться от него тоже не может никакая власть, да и суть его постичь не может.

Меня интересует внутренний смысл властно-политической технологии — сила и способность власти добиваться выполнения собственных приказов независимо от того, в какой степени оно приведет к результату, которого намеревался достичь индивидуальный или коллективный автор того или иного приказа. При его низком уровне, когда власть не вмешивается в личную и публичную жизнь граждан (они идут по своим, независимым от нее законам и правилам), их склонность к послушанию власти высока. Незначительное гражданское отчуждение означает небольшие масштабы властного контроля и ущемления социальной свободы граждан. В этом отношении классики либерализма частично правы: гражданское чувство предполагает такую степень ограничения свободы, когда власть выполняет функцию ночного сторожа публичного порядка. При низком уровне

---

¹⁴ Кравченко И.И. Рациональное и иррациональное в политике: утопические аспекты политического сознания // Вопросы философии. 1996, № 3.

гражданского отчуждения люди выполняют значительную долю властных приказов и решений именно потому, что они не проводят различия между личными и публичными волевыми акциями. Власть сильна как раз потому, что излишне не вмешивается в социальную жизнь граждан. Либеральный идеал «лояльности» (законопослушности) в этом случае смыкается с традиционалистским идеалом «порядка», который может обеспечиваться без вмешательства власти.

Однако пути практической реализации данных идеалов различны. Если властное вмешательство, а вместе с ним и гражданское отчуждение, возрастает, склонность граждан к послушанию падает. Она достигает минимума в периоды восстаний и революций, каждая из которых по своему социальному значению направлена на преодоление политического и гражданского отчуждения. Но число подавленных властью форм гражданского сопротивления еще более увеличивает гражданское отчуждение. Чем больше это число, тем больше склонность граждан к послушанию власти, но теперь уже из страха перед нею. Чем выше гражданское отчуждение, тем больше граждане подчиняются власти из чувства страха. Сила власти в условиях гражданского разобщения и десоциализации возрастает. Если гражданский мир связан с десоциализацией и деполитизацией граждан (как это было в СССР и продолжается в современной России), то сила власти увеличивается, порождая одновременно вероятность перерастания форм гражданского сопротивления в восстания и революции.

Таким образом, внутренний смысл властно-политической технологии связан с возможностью двоякого понимания власти.

1. Сильная власть — это такая власть, которой граждане удовлетворены по причине того, что властный надзор не выходит за рамки необходимости, которая является функцией управления жизнью общества и осуществления публичных дел (причем в разных цивилизациях и странах данная функция понимается и воплощается по-своему).

2. Сильной властью можно признать и такую, которая с помощью всех средств насилия и манипуляции искоренила способность к гражданскому сопротивлению и привела к разобщенному, деклассированному, денационализированному, десоциализированному и деполитизированному обществу.

В указанных пониманиях можно усмотреть парадокс властно-политической технологии. Почему же сама власть не заботится о сохранении гражданского мира? Разве не «рациональнее» (с ее точки зрения) предоставить индивидам такую степень свободы, чтобы они выполняли ее приказы по убеждению, а не под влиянием средств насилия и чувства страха? М. Вебер пытался связать ответ на эти вопросы с существованием сильного национального государства (германского), а К. Поппер — с перспективой развития всего человечества в направлении «открытого общества». На мой взгляд, оба мыслителя неправы. И веберовская концепция «целерационального действия» с ее методологическими производными типа «рационального государства», «рациональной бюрократии», и концепция «социальной инженерии», которую Поппер пытается противопоставить историцизму и революционно-практическому способу преобразования общества, базируются на одной и той же посылке: существует класс «рационально действующих» властителей и управленцев, которые стоят перед определенными альтернативами, формулируют цели, осуществляют выбор из альтернатив, принимают решения и издают приказы по достижению поставленных целей. Эта посылка не может считаться истинной, хотя и широко

распространена в целом массиве зарубежной, а теперь и отечественной социологической и политологической литературы. Если стоять на почве фактов, а не рационалистических иллюзий, то «рационально действующих» властителей и управленцев не было, нет и не предвидится. Зато были, есть и будут индивиды и группы, поступающие спонтанно и стихийно, под влиянием чувств, обстоятельств и множества иных факторов. Конечно, каждый из участников социальных процессов, включая властные, может ставить цели и принимать решения, руководствуясь своими представлениями о рациональности. Однако общие результаты частичных целей и решений индивидов не имеют отношения ни к какому сознательному замыслу. За исключением, разумеется, апелляции к «господу богу», «историческим закономерностям», «народу», «свободе», «равенству», «закону», «справедливости», «традиционным ценностям» и прочим абсолютам, на которые обычно любят ссылаться духовные и светские властители для оправдания своей власти.

Осуществление власти — социальный процесс, протекающий наряду с другими процессами. В них значимы интересы больших групп людей, а не цели пытающихся их заменить или деформировать «политических мудрецов». Коллективное действие группы властителей по отношению к гражданам «своего» государства и к властителям и гражданам других государств ничуть не более рационально, чем поведение групп собственников, генералов, кружка филателистов или «партии любителей пива». Во всех случаях оно состоит из множества частично рациональных действий. Этот феномен в социологии организаций и теории решений классифицируется как «частичная рациональность» любых политико-управленческих действий. Причем уровень риска при принятии групповых решений обычно повышается, а рациональность понижается. Чем больше группа, тем менее рационально она ведет себя. Тем самым рушится еще одно основание концепций «целенаправленного действия», «социальной инженерии» и иных глубокомысленных выдумок.

Группа людей, осуществляющих власть, никогда не стоит ни перед каким рациональным выбором, хотя идеологема «выбора» может использоваться прагматической историографией и практической политикой для «рационализации» политических решений задним числом и манипуляции общественным мнением. Наше Отечество со своим «Выбором России» и кочевой кибиткой под названием «Единая Россия» в очередной раз поверило политическому жаргону, который успокаивает туземных и закордонных обывателей и интеллектуалов из «рационального» угла раскроя. Этот угол ничуть не более «рационален» по сравнению с медвежьими углами, которые прекрасно могут существовать и в «мировых столицах».

Вопрос о том, сильна ли группа властвующих поддержкой масс или их подавлением, тоже не является предметом чьего-либо сознательного решения, даже китайского императора, турецкого султана, советского генсека, американского и российского президентов. Все они в большей или меньшей степени оказываются пленниками собственного аппарата. Война с ним во всех прошлых, живых и еще не рожденных государствах велась и ведется бесконечно, однако он все еще жив, а победителей в борьбе с ним пока не видно. Значит, пространство «выбора», осуществляемого первым лицом или органом в государстве, еще более ограничивается, не говоря уже об успешности принятых решений. То же самое можно сказать о «рациональности» аппаратов управления любыми государствами. Более того, в изолированной чисто политической системе (если пренебречь влиянием экономики,

социальной структуры, культуры и др.) власть не может базироваться на социальной поддержке и доверии к ней граждан.

Предположим, что существует идеальная политическая система, состоящая только из властвующих и подвластных, изолированная от влияния других систем, лишенная политических традиций и т. д. Предположим, что в исходном пункте развития этой системы (момент установления нового государства, основателя которого затем записывают в национальный «поминальник») вообще не существует никакого отчуждения граждан от власти. В подобной системе власть будет сильной. Но в группе властвующих всегда найдутся такие «экземпляры», которые будут расширять свою индивидуальную власть либо за счет граждан, либо за счет конкурентов в аппарате власти, либо за счет надлежащего перетолкования законодательства, либо за счет ситуации, либо за счет секретарши и т. п. Эту тенденцию до сих пор не смогло предотвратить ни одно государство, даже самое либеральное и демократическое. Поэтому ее можно считать универсальной характеристикой любых политических систем и связанных с ними властно-политических технологий. На каком же основании соглашаться с Вебером и Поппером в том, что предлагаемые ими модели «рационального государства» и «социальной инженерии» лучше других? Китайцы наверняка обидятся и сошлутся на своего Кун-Цзы...

В результате действия указанной тенденции позиция властвующих человекоподобных (тех индивидов, которые считают власть главной ценностью) в группе властителей будет укрепляться, а положение их менее «деловых» и более «идейных» или «моральных» (тех, кто не считает власть главной ценностью) партнеров будет понижаться. После определенного периода времени у власти останутся только те, кто по своей человеческой природе («происхождению», «призванию», «опыту» или «головке тыквой») склонен расширять власть ради самой власти. В отличие от шагреновой кожи власть не сужается, а расширяется. Эту человеческую склонность тоже не смогло преодолеть ни одно политическое устройство. В результате общая сфера властной регуляции и зависимость граждан от власти увеличиваются, что приводит к росту политического и гражданского отчуждения, социальной напряженности и порождает значительную часть так называемых «политических фактов и событий».

Как правило, они иницируются самой властью. По мере усиления данной тенденции власть может подтверждать свою силу только путем подавления любых форм гражданского сопротивления, манипуляции ими и еще большего расширения сферы властного контроля над индивидами. «Усложнение» властно-управленческих функций, на чем настаивают апологеты «рационализации» и расширения функций государства по мере его движения к массовому обществу, на деле означает оправдание властно-политической технологии и неспособность любых властно-управленческих аппаратов любых государств преодолеть тенденции, складывающиеся в их собственной среде. Власть может укреплять свою силу лишь за счет того, что разобщенные и десоциализированные индивиды из чувства страха (который тоже ничуть не менее «рационален» по сравнению с другими чувствами) будут наперегонки выполнять ее приказы и не задумываться о последствиях.

Таким образом, в идеальной политической системе власть всегда обладает тенденцией к десоциализации граждан. В этом и состоит сущность властно-политической технологии, которую Вебер называл «рациональной бюрократией», а Поппер квалифицирует как «социальную инженерию». Такая тенденция не зависит от наличия либо отсутствия чьих бы

то ни было «добрых» или «злых» намерений. А поскольку проблема соотношения добра и зла была, есть и будет дискуссионной, властно-политическая технология выталкивает ее за свои пределы. Динамика либеральной демократии — частный случай данной тенденции, какие бы концепции власти и политики при этом ни использовались. Власть всегда предпочитает послушание на основе страха послушанию на основе поддержки, ибо такое предпочтение более соответствует ее интересам. Универсальный интерес власти заключается в расширении сферы властной регуляции, а это возможно в разобленном, атомизированном и десоциализированном обществе.

Власть может увеличивать свою силу двумя способами — стремлением к гражданскому миру и стремлением к десоциализации граждан. Из этих способов интерес власти допускает (под давлением множества обстоятельств, которые здесь не рассматриваются) первый, но детерминирует второй. В этом и состоит альтернатива, перед которой стоит любое государство и система власти. Повторю еще раз: так обстоит дело в идеальной модели чисто политического общества, которую не смогли сконструировать ни классики либерализма, ни основоположники марксизма, ни адепты консерватизма. Ни одна из названных политических философий не смогла предложить ничего принципиально нового по сравнению с платоновым проектом «идеального государства».

В реальной действительности нередко бывает так, что группа властителей не может позволить себе ступить на путь десоциализации граждан. Это бывает тогда, когда в обществе есть группа собственников, от которых зависит сама власть. Если считать «нормальной» тенденцией общества создание такой зависимости, то по мере развития цивилизации массы все в большей степени становятся объектами экономической эксплуатации, зато меньше зависят от власти. Ликвидация частной собственности (огосударствление, национализация) влечет за собой рост политической эксплуатации масс. В этом вопросе теории либерализма частично правы: частная собственность — одна из сильнейших преград от наводнения общества различными формами властно-политического регулирования и контроля. С единственным уточнением: если институт частной собственности не порождает все ранее описанные формы насилия, принуждения и манипуляции и абсолютно свободен от них. Но такой свободы не было, нет и, очевидно, не будет в истории человечества. Оно, как и в былые времена, стоит перед альтернативой: какую эксплуатацию предпочесть — экономическую или политическую?

Этот вывод позволяет взглянуть по-иному и на проблему легитимности или доверия к власти. Если власть обладает несокрушимой тенденцией десоциализации граждан, то не стремится ли она тем самым к разрушению собственной поддержки? Такая поддержка толкуется по-разному представителями различных направлений политической философии и практической политики, усматривающих социальный базис власти в частной или общественной собственности, общественном договоре или обоюдном сговоре, праве, традиции или харизме. Независимо от всех толкований не следует полагать, что чем хуже власть для граждан, тем менее они ей доверяют. Действительные связи между силой власти и доверием к ней весьма неожиданны. Для их анализа тоже могут использоваться строгие критерии.

Мера доверия к власти есть отношение числа властных приказов, которые граждане считают обязательными выполнить, к общему числу властных приказов. Доверие к власти тем выше, чем больше чувство такой обязанности. Но и здесь есть «зазор» между должным

и сущим на уровне индивидуального и группового поведения. Он зависит от действия многих факторов, в том числе и от соотношения сил между группами властвующих и подвластных, для описания которого были введены понятия гражданского отчуждения и гражданского сопротивления. В состоянии гражданского мира доверие к власти относительно высоко, если она незначительно ограничивает свободу и автономию граждан. Это увеличивает вероятность выполнения властных приказов. По мере роста гражданского отчуждения доверие к власти снижается, достигая минимума в периоды восстаний и революций.

Однако по мере подавления любых форм гражданского сопротивления новой системой власти (установленной после революции или переворота) в обществе набирают силу два процесса (тенденции), которые тоже входят в состав властно-политической технологии.

1. Элиминация критически мыслящих людей, не скрывающих своих взглядов. Спецслужбы считают таких людей угрозой для установившейся системы власти, так что их устранение понятно с точки зрения ее интересов. Устранение непокорных влечет за собой рост доверия к власти, но стимулирует и другой процесс.

2. Оставшиеся на свободе люди, наученные горьким опытом непокорных и строптивых, подвергаются все большему контролю со стороны спецслужб. К тому же государственные служащие, в отличие от простых дворников, изощрены в применении всех методов принуждения и манипуляции людьми. Поэтому граждане вначале скрывают свои политические убеждения, а затем лишаются их вообще.

Политическое сознание спецслужб и их социальная роль при выработке властно-политической технологии существующего государства и политического режима требуют особого анализа. А пока отметим, что феномен «двойного сознания», открытый В. Кормером в советской интеллигенции, на деле есть развитие послереволюционного «геморройного героизма» интеллигенции русской. Речь идет об обычном лицемерии — признании одних и декларации других убеждений. Управлять лицемерием людей при надлежащей тренировке не составляет особого труда, поскольку независимые от власти социальные связи рушатся. В этом смысле лицемерие может рассматриваться как продукт внутреннего шпионажа.

Таким образом, власть стремится добиться соответствия политических убеждений людей взглядам правительства. Однако эти процессы ведут к неожиданному результату. Доверие к власти (в чувствах и убеждениях, а не на словах) вначале становится все более функциональным, а затем вообще условием выживания индивидов. Такое доверие достигает максимума в состоянии атомизированного, десоциализированного и деполитизированного общества. Поэтому наибольшим доверием пользуется наиболее репрессивная власть. Достижение подобного идеала становится главной целью властно-политической технологии.

Например, советская власть восстановила «связь времен» за счет применения именно такой технологии. После смерти Сталина повторилась ситуация, возникшая после смерти Ивана Грозного: толпы москвичей в отчаянии бросились к Кремлю, возникла давка, в которой добровольно погибли сотни людей. Так отреагировали советские люди на кончину тирана, лишившего их собственной воли. Еще раз подтвердилась справедливость древней мудрости: «Народ любит своих тиранов». Эта сентенция содержит больше истины об отношении людей к власти, нежели самые рафинированные социологические и политологические концепции. Однако и ее можно дополнить. Любовь к тиранам

порождается не народом, а его десоциализацией, разрушением связей между людьми и их зависимостью от всеильной государственной машины, вырабатывающей и культивирующей властно-политическую технологию. Один и тот же народ доверяет власти, если она не выходит за необходимые пределы административных функций, а при облегчении политического гнета способен на революцию. Значит, народ любит своих тиранов до тех пор, пока слаб, и начинает заслуженно их ненавидеть, едва набирается силы. Народ имеет полное право применить эту силу, ибо не было и нет государств, способных отказаться от властно-политической технологии.

Положение «наибольшим доверием пользуется наиболее репрессивная власть» противостоит также этакратическим концепциям об органичности государства, либерально-этакратическим концепциям, связывающим принцип свободы с принципом большинства и полагающим на этом основании, что демократическая власть «лучше», потому что она пользуется «большим» доверием. Опыт XX в. подтверждает не меньшую справедливость противоположного заключения: демократическая власть заслуживает наименьшего доверия, поскольку она не в состоянии предотвратить преобразование традиционного общества в массовое. Психика изолированного индивида отличается от психики индивида массового общества. Изолированный человек не может рассчитывать на поддержку других людей и потому избегает принятия решений на свой страх и риск. Ответственность за них он стремится переложить на других людей. Это достигается за счет приведения интернализированной нормативно-оценочной системы в соответствие с интернализированной системой опыта, норм и оценок, закодированных в совокупности императивов. Если человек этого лишается, он более подвержен влиянию всех средств манипуляции, применяемых властью в целях атомизации и десоциализации индивидов. Альтернатива экономической и политической эксплуатации порождает альтернативу манипуляции и страха, которую тоже не смогло решить ни одно демократическое государство.

На основании тезиса «наибольшим доверием пользуется наиболее репрессивная власть» можно объяснить ряд явлений индивидуальной и массовой психологии тоталитарных режимов. Мемуаристы сообщают, что матери людей, сосланных в советские концлагеря, хранили портрет Сталина среди семейных реликвий, а коммунисты в тюрьмах и лагерях ломались быстрее обычных людей, не принадлежащих к правящей партии, нередко выполняли функции «стукачей» и т. п. Во всех случаях мы имеем дело с положительной оценкой собственного безволия, склонности к подчинению. Но нет оснований полагать, что коммунисты были и остаются «хуже» остальных людей, а коммунистическая доктрина «хуже» других доктрин, так как не дает своим сторонникам сильной духовной поддержки в критических обстоятельствах. Просто коммунисты подвергались репрессиям со стороны «своих» — других коммунистов. Положение людей, принадлежащих к правящей партии, было хуже положения людей, подавляемых анонимной государственной машиной, и значительно хуже положения людей, бывших или считавшихся врагами советской власти. Коммунисты находились в наибольшей изоляции. Пропадал смысл их прошлой и будущей жизни. И потому они чаще других чувствовали обычную человеческую склонность подчиниться сильнейшему, хотя и оправдывали ее верой в идею.

В мемуарной литературе можно найти также множество примеров того, что верующие люди в тюрьмах и лагерях вели себя лучше по сравнению с другими, сохраняя достоинство в критических ситуациях. Объясняется это тем, что верующий человек был или считался

врагом существующего строя. Его духовный мир не рушился в результате репрессий, давал ему чувство общности с братьями по вере и с Богом. Поэтому верующие люди в лагерях были менее атомизированными и десоциализированными по сравнению с неверующими, менее подвергались воздействию своего животного «я».

И все же коммунисты в критических обстоятельствах ломались быстрее не потому, что были «хуже», а верующие — «лучше» других людей. На основании применения того же принципа объяснения можно сказать: в застенках инквизиции христиане чувствовали себя хуже мусульман и еретиков. Однако независимо от того, какой веры (христианской, мусульманской, иудаистской, буддийской и т. п.) или убеждений (либеральных, консервативных, коммунистических, националистических и др.) придерживаются люди, у большинства из них существует неискоренимая склонность подчиняться власти богатых и сильных, тиранов и начальников. Эта склонность тоже входит в состав властно-политической технологии. Она (склонность) выше всех религиозных и светских идеологий, существует и в Европе, и в Азии. Различия, безусловно, есть, но они не имеют существенного значения. Просто условия жизни европейцев допускали более критическое отношение к власти, потому что отношения собственности и власти здесь не совпадали. В Азии же возник симбиоз власти и собственности: «Функции собственника здесь опосредованы причастностью к власти, т. е. к должности, но не к личности правителя. По наследству в этих структурах может быть передана должность с ее правами и прерогативами, включая и высшую собственность, но не способность как исключительное частное право владения вне зависимости от должности»¹⁵. Вследствие такого симбиоза азиаты, с точки зрения европейского человека, более склонны к апологетике власти и политическому безволию.

Конечно, данная традиция никогда не исчезает бесследно и культивируется тем более, чем в большей степени власть опирается на силу. Однако и эта традиция в ее культурно-цивилизационном измерении лишь модифицирует одну и ту же универсальную тенденцию любых форм общества и политического строя — склонности подчиняться и доверять власти богатых, сильных или умных. Именно такую тенденцию и эксплуатируют любые государства и системы власти. Ее универсальность подтверждается также антропологическими и этологическими исследованиями¹⁶, которые позволяют сделать общий вывод: стремление повелевать и подчиняться есть выражение животного, а не социального и духовного начала в человеке. Властно-политическая технология есть выражение этого начала, хотя никаких универсальных средств противостояния и борьбы с ним человечество еще не придумало.

Молитва А.С. Пушкина об освобождении от «любоначалия — змеи сокрытой сей» не услышана ни русскими людьми, ни представителями других культур. Само же «любоначалие», как показано ранее, может существовать в виде любви начальствовать и любви к начальникам. Демократия стремится ограничить пребывание на начальственных должностях. Значит, она считает такую «любовь» естественным свойством человеческой природы.

---

¹⁵ Васильев Л.С. История Востока. Т. 1. М.: 1991, с. 69.

¹⁶ См.: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: 1992; Лоренц К. Агрессия: так называемое зло. М.: 1994.

Литература

1. *Grzegorzcyk A.* Zycie jako wyzwanie. Warszawa. 1995.
2. *Алтаев В.* Вооруженные силы СССР: в конце пути // Политика. 1990. № 11.
3. *Баранович-Поливанова А.* Картинки из жизни военных лет // Знамя. 1995. № 10.
4. *Бруцкус Э.* Дневник матери-хозяйки // Знамя. 1995. № 11.
5. *Васильев Л.С.* История Востока. Т. 1. М.: 1991.
6. *Генон Р.* Кризис современного мира. М.: 1991.
7. *Давыдов А.П.* Россия весной 2022 г.: раскол в обществе как основание социокультурного кризиса // Электронный философский журнал Vox. Выпуск 45 (июнь 2024) <https://vox-journal.org/html/issues/777/778.html>
8. *Капустин Б.* «Национальный интерес» как консервативная утопия // Свободная мысль. 1996. № 3.
9. *Кравченко И.И.* Рациональное и иррациональное в политике: утопические аспекты политического сознания // Вопросы философии. 1996. № 3.
10. *Кузин Б.С.* Воспоминания // Дружба народов. 1995. № 11.
11. *Лоренц К.* Агрессия: так называемое зло. М.: 1994.
12. *Неретина С.С.* Десять лет спустя. Отчуждение, рефлексия и практика // Огурцов Александр. Отчуждение, рефлексия, практика. М.: Голос, 2024.
13. *Поннер К.* Открытое общество и его враги. М.: 1992. Т. 1, с. 53–57.
14. *Российская ментальность: материалы «круглого стола»* // Вопросы философии. 1994. № 1.
15. *Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю. Синеокая.* М.: Издательский дом ЯСК, 2022.
16. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: 1992.

References

1. *Altaev V.* Vooruzhennye sily SSSR: v konce puti // Politika. 1990. № 11.
2. *Baranovich-Polivanova A.* Kartinki iz zhizni voennyh let // Znamya. 1995. № 10.
3. *Bruckus E.* Dnevnik materi-hozyajki // Znamya. 1995. № 11.
4. *Davydov A.P.* Rossiya vesnoj 2022 g.: raskol v obshchestve kak osnovanie sociokul'turnogo krizisa // Elektronnyj filosofskij zhurnal Vox. Vypusk 45 (iyun' 2024) <https://vox-journal.org/html/issues/777/778.html>
5. *Filosofskie pokoleniya / Avtor idei, sost. i отв. red. YU. Sineokaya.* M.: Izdatel'skij dom YASK, 2022.
6. *Fromm E.* Anatomiya chelovecheskoj destruktivnosti. M.: 1992.
7. *Genon R.* Krizis sovremennogo mira. M.: 1991.
8. *Kapustin B.* «Nacional'nyj interes» kak konservativnaya utopiya // Svobodnaya mysl'. 1996. № 3.

9. Kravchenko I.I. Racional'noe i irracional'noe v politike: utopicheskie aspekty politicheskogo soznaniya // Voprosy filosofii. 1996. № 3.
10. Kuzin B.S. Vospominaniya // Druzhba narodov. 1995. № 11.
11. Lorenc K. Agressiya: tak nazyvaemoe zlo. M.: 1994.
12. Neretina S.S. Desyat' let spustya. Otchuzhdenie, refleksiya i praktika // Ogurcov Aleksandr. Otchuzhdenie, refleksiya, praktika. M.: Golos, 2024.
13. Popper K. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. M.: 1992. T. 1, s. 53–57.
14. Rossijskaya mental'nost': materialy «kruglogo stola» // Voprosy filosofii. 1994. № 1.
15. Vasil'ev L.S. Istoriya Vostoka. T. 1. M.: 1991.

The structure of alienation and the power-political technology

Makarenko V.P.,

Doctor of Philosophy and Political Sciences, Professor,
Chief Researcher, Honored Scientist of the Russian Federation Institute
of Philosophy and Socio-Political Sciences
Southern Federal University
vpmakar1985@gmail.com

Abstract: There is a widespread opinion that the government is based or should be based on the trust of citizens in it. If the social system strives for stability, then its foundation is consensus — a kind of social contract. The foundation of the political structure of society should be the consent of citizens to be ruled, and the solution of issues of public life should be in the hands of those in power. Rationally acting individuals express this consent only when they trust the authorities and the people who carry it out. The common interest of the authorities and citizens is that the latter trust the Government and the state administration apparatus. Only legitimate government can be strong.

A.P. Ogurtsov's research practice makes it possible to challenge this intellectual and political tradition in general, and in relation to Russia in particular. S.S. Neretina formulated many valid points for proof in the reconstruction of A.P. Ogurtsov's cognitive intentions and the process of their implementation. From this set, several ideas are mentioned: the opposition of philosophers and functionaries who create philosophical rituals; Alexander Pavlovich's PhD thesis on alienation completed his path "under the banner of Marxism" and opened the floodgates to new approaches; Ogurtsov showed that for Hegel and Marx, the phenomenon of alienation was an important problem; the figure of Marx disappeared from the philosophical horizon due to the fault of its vulgarizers, who initiated the "grandiose failure" of the political, religious and military history of the USSR; in the era of the domination of Marxist-Leninist ideology, reading any text (with the exception of the works of the classics of Marxism-Leninism) occurred under the pressure of this ideology; Ogurtsov developed his own original way of switching the style of ideological orthodoxy to free philosophical reasoning.

Every student of the Faculty of Philosophy who chose philosophy as his profession in Soviet times was faced with the need to develop such a way of switching. There is already fresh documentary evidence of this need in the form of the history of four Soviet and three post-Soviet

philosophical generations, which can be read from this angle. This possibility is confirmed by the reproduction of the millennial social split of Russia in the modern conditions of its existence. The purpose of the article is to reproduce two fragments of my personal experience of switching on.

Keywords: patterns of socio-political thought, A.P. Ogurtsov's research practice, personal experience of polemics with ideological orthodoxy, power, theory of "natural rights", theory of "social contract", consensus, conflict of interests.